

<http://LLL21.petrSU.ru>

<http://petrsu.ru>

Издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Петрозаводский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный ежеквартальный журнал
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: XXI ВЕК

Выпуск 4 (20).
Winter 2017

Главный редактор

И. А. Колесникова

Редакционная коллегия

О. Грауманн
Е. В. Игнатович
В. В. Сериков
С. В. Сигова
И. З. Сковородкина
Е. Э. Смирнова
И. И. Сулима

Редакционный совет

Т. А. Бабакова
Е. В. Борзова
А. Виегерова
С. А. Дочкин
А. Клим-Климашевска

Е. А. Маралова

А. В. Москвина
А. И. Назаров
Е. Рангелова
А. П. Сманцер

Служба поддержки

А. Г. Марахтанов
Е. Ю. Ермолаева
Т. А. Каракан
Е. В. Петрова
Н. И. Токко

ISSN 2308-7234

Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № **ФС77-57767** от 18.04.2014

Адрес редакции

185910 Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 254а
Электронная почта: LLL21@petrsu.ru

КУПРИЯНОВ Борис Викторович

доктор педагогических наук, профессор Департамента педагогики Института педагогики и психологии образования ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия)

Boriskuprianoff2012@yandex.ru

АДРЕНАЛИН ДЕТСКОЙ ШАЛОСТИ

Аннотация: в статье представлена попытка ввести в научный оборот, охарактеризовать и теоретически обосновать явление детской шалости как естественного атрибута жизни ребенка. По мнению автора, правомерность оформления представлений о детской шалости обусловлена также наличием множества описаний этого явления в детской литературе. Основываясь на социально-педагогической концепции А. В. Мудрика, представлениях о смеховой (народно-карнавальной) культуре М. М. Бахтина, теории трансактного анализа Э. Берна, автор определяет специфические черты детской шалости как особого социально-педагогического явления. Анализ отечественных и зарубежных художественных текстов о жизни детей и подростков позволяет зафиксировать различные черты шалости: наличие действия, направленного на то, чтобы обмануть ожидания взрослого; получение материальной выгоды; существование кодекса чести шалуна; публичность осуществления – как вызов; осознание провокации, страх наказания. На основе анализа и интерпретации нарративных интервью, полученных у респондентов 1935–1978 гг. рождения, дана этнографическая реконструкция культурных практик советских подростков во время их отдыха в пионерских лагерях. Детские шалости в данном случае сопряжены: с желанием получить удовольствие, свободно пообщаться со сверстниками без взрослых; получением ярких эмоций от приключения, противоборством мальчиков с девочками, представителей одной группы детей с представителям другой и пр. Сформулированная в статье проблема является стимулом к дальнейшему социально-педагогическому изучению феномена детской шалости, в том числе в современных формах его проявления. Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00648.

Ключевые слова: детская шалость, трансактный анализ, карнавальная культура, история образования в СССР, пионерский лагерь.

B. Kupriyanov

ADRENALIN OF CHILDISH PRANKS

Abstract: the purpose of the article is the theoretical substantiation of the childish prank as a natural attribute of a child's life. Based on the social and pedagogical concept of A. Mudrik, the ideas of the carnival culture of M. Bakhtin, E. Bern's theory of transactional analysis, the author defines the specific features of the childish prank as a special social and pedagogical phenomenon. The author highlights various traits of childish pranks such as an action aimed at deceiving the expectations of an adult; obtaining material benefits; the existence of a code of honor, publicity – as a challenge and provocation, fear of punishment. The author used methods of analyzing fiction texts, interpreting narrative interviews, ethnographic reconstruction of cultural practices of Soviet teenagers in pioneer camps. The problem formulated in the article is a stimulus to further social and pedagogical study of the phenomenon of childish prank, including modern forms of its manifestation.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-06-00648.

Key words: childish prank, transactional analysis, carnival culture, the history of education in the USSR, the pioneer camp.

*Поэту юношеской эмоциональности
Анатолию Лугошкину
и корифею юношеского общения
Анатолию Мудрику
посвящается*

Актуальность. Как показывает обзор современных педагогических исследований, в отечественной науке о воспитании и обучении сложилась такая ситуация, когда объектом изучения становятся преимущественно не жизненная реальность участников образовательных отношений, а лишь модели и проекты деятельности, специально организуемых в целях развития (формирования, обучения, воспитания и т. д.) обучающихся. Ретроспективный взгляд в прошлое позволяет зафиксировать имевшую место педологическую альтернативу этой бездетной (без-родительской, без-учительской, без-человеческой) педагогике, именно в этой традиции (традиции культурной антропологии) осмысления образования работали и работают А. Г. Асмолов, И. Д. Демакова, Д. И. Фельдштейн и целый ряд других авторов.

Опираясь на дето-центрический взгляд на образовательную реальность, развернем теоретическое обоснование такого социокультурного и социально-педагогического явления, как **детская шалость**. Детская шалость – естественный атрибут жизни ребенка, который нашел отражение в известных литературных произведениях «Приключения Тома Сойера», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Мастер и Маргарита», «Гарри Поттер и узник Азкабана». В огромном числе фильмов о детях мы находим множество ярких описаний шалостей и шалунов.

При такой очевидности реального существования детской шалости (баловство, озорство, проказа и т. д.) этому явлению уделяется незаслуженно мало внимания. Согласно данным Российской государственной библиотеки, понятие «детская шалость» использовалось только в контексте предупреждения пожаров в методических публикациях в 1941–1966 гг. В этих текстах шалость – нарушающий правила противопожарной безопасности неосознанный поступок ребенка.

Само по себе понятие детской шалости мы не нашли в доступной отечественной психолого-педагогической литературе, поэтому рискнем ввести его в научный оборот. Для понимания сущности детской шалости целесообразно опереться на социально-педагогическую концепцию А. В. Мудрика, где шалость как явление общения может рассматриваться в качестве способа удовлетворения потребностей в эмоциональных контактах, приспособлении, обособлении, познании, самоопределении, самоутверждении [6]. При этом ведущей потребностью, реализуемой ребенком в шалости, нам видится *потребность в ярких эмоциональных переживаниях*, такая же эмоция переживается человеком во время приключения «субъективно позитивного отражения человеком вне-

запного усиления собственной реактивности по преодолению внешних угроз» [4]. То есть приключение случается, иногда подталкиваемое самим человеком (он ищет и находит приключение). Предположим, что детская шалость – частный случай приключения, приключения, которое сам для себя организует ребенок, однако не всякое приключение вызывается или является шалостью, различия обозначим ниже. Пока же отметим, что детская шалость как явление общения позволяет увидеть психологическую, философско-культурологическую и собственно социально-педагогическую плоскости.

Теоретическое обоснование детской шалости как социально-педагогического явления

Если ты опасаясь, что я... подожгу твою усадьбу,
залью кровью окрестности и, освещаемый заревом
пожаров, буду голый плясать на неприветливом пепелище,
то опасения твои преувеличены более чем наполовину.

А. Т. Аверченко

Психологическая плоскость рассмотрения детской шалости как явления общения позволяет обратиться к традиции трансактного анализа Э. Берна, где шалость представляет собой реализацию естественных побуждений человека, яркое проявление детскости (инфантильности) как пренебрежение социальными ограничительными нормами, свободное проявление спонтанности и креативности. Шалость нацелена на ответную реакцию со стороны партнера в эго-состоянии «родитель» или эго-состоянии «ребенок». В первом случае шалость является собой скрытое или открытое противоборство с человеком, находящимся в эго-состоянии «родитель – преследователь» и ожидание перехода этого человека в эго-состояние «родитель – спаситель». То есть шалость представляет собой психологическую игру («скрытая трансакция»), состоящую из двух частей «Попробуй, поймай меня» и «Прости меня, пожалуйста» [2]. При этом ребенок отдает себе отчет в том, что он шалит: «*Это я шалю. Ну, то есть балуюсь*» (Б. А. Ларин, из сценария м/ф «Малыш и Карлсон»).

Объективно шалость является ответом на запреты, ограничения свободы, принуждение к статичному сидению или стоянию, санкции, однако, с другой стороны, шалость можно расценить как поиск сочувствия, прощения, «психологического поглаживания». Аналогичные переживания описаны в психологических играх «Алкоголик», «Гость растяпа» (Э. Берн). Шалун (субъект шалости), как правило, не предусматривает нанести существенный вред, нарушить основополагающие нравственные нормы, само понятие шалости предусматривает *легкое* отступление от правил. Возвращаясь к сравнению понятий «детская шалость» и «приключение», отметим, что приключение не столь диалоговое явление, не на столько обращено к Другому.

Философская и культурологическая плоскости рассмотрения детской шалости основываются на положениях М. М. Бахтина о смеховой (народно-карнавальной) культуре. Действительно, детская шалость может пониматься как разрыв в послушном поведении ребенка, прерывание ребенком рутины послушания, когда взрослый информируется о том, что ребенок больше не слуша-

ется, своего рода шалость представляет собой культурную форму «выпускания пара».

Авторы книги «Средняя школа. Худшие годы моей жизни» с позиции шестиклассника Рейфа Катчадориана описывают череду шалостей, которые он совершает сознательно в рамках придуманной им игры «Долой Все Правила». С одной стороны, существенным представляется четко зафиксированная формула: «шалость – нарушение школьных правил» (за каждое нарушенное правило герой книги начислял себе баллы, чем грубее нарушение, тем больше баллов). С другой – цепь шалостей, упакованная в тайную игру, становится протестом против рутины, наличной школьной повседневности, против обид и унижений, против низкого социального статуса в сообществе, превращается в индивидуальный карнавал, которому, при осуждении большинства, находятся сочувствующие или как минимум готовые простить, пожалеть и помочь [8].

Анализ значения слов «озорство», «баловство», «дурачество», «проказа», «проделка», «школа» позволяет определить характеристики шалости – **поступок, включающий нарушение установленных правил, комфорта других лиц, провокацию с целью испытать яркие эмоциональные переживания** (позабавиться, посмеяться над другими). Детская шалость имеет много общего с розыгрышем – «шуткой с целью одурачить кого-либо, поставить кого-либо в глупое, смешное положение». В этом контексте становится понятной еще одна субкультурная практика – так называемый *пранк* (от англ. prank — проказа, выходка, шалость; шутка), телефонное хулиганство, телефонный розыгрыш. Те, кто занимаются пранком (пранкеры), совершают телефонные звонки (либо анонимные, либо имитируя кого-то) своим жертвам и путем провокаций и подшучиваний вынуждают жертву к яркой ответной реакции, иногда разговор с жертвой пранкеры записывают и выкладывают в Интернет.

Так же, как и в пранке, субкультурная сторона шалости (не совсем детской, скорее шалости подростков и молодежи) представлена в *зацепинге*. («Способ передвижения на поезде, при котором человеке цепляется к вагонам снаружи за различные поручни, лестницы, подножки и другие элементы; “зацепер” может ехать на крыше, на открытых переходных и тормозных площадках, с боковых или торцевых сторон вагонов» (АИФ)). По данным интернет-источников, в Москве и Московской области насчитывается более 20 тысяч сторонников этой опасной забавы, они общаются друг с другом в социальных сетях и объединяются в группы для совместных поездок. Жертвами зацепинга в 2015 г. стали 17 московских подростков, 9 из них погибли. Другими словами, шалости подростков становятся модными явлениями, образуя специфическую моду шалить и баловаться определенным образом.

Социально-педагогическая плоскость. Для детской шалости так же, как для действия в целом, характерны индивидуальные и социальные результаты и эффекты, индивидуальные результаты детской шалости связаны не только с чувствами, мыслями, поступками ребенка, но социальным опытом, получаемым на всех этапах процесса. Можно предположить, что шалость – своего рода эксперимент, исследовательский проект ребенка (в том числе прогноз последствий), где персональные открытия становятся атрибутом его социализации. Социаль-

ные последствия шалости могут быть различными, могут нести риски и опасности (как в случаях с зацепингом), в отношении шалуна последствия напрямую зависят от стиля воспитания, от стиля педагогического общения.

Примеры детских шалостей описаны Г. Г. Белых и Л. Пантелеевым в «Республике Шкид». Особенно показательна виртуозная коллективная кража шкидовцами лепешек с блюда подслеповатой Совы, пока она несла их от кухни до комнаты:

...Первый бесшумно подскочил к ней и так же бесшумно двумя пальцами сдернул с блюда горячую лепешку. Для шкидовцев это было сигналом к действию. Следом за Японцем к блюду метнулись Янкель, Цыган, Воробей, а за ними и другие. На всем пути следования старухи – и в коридоре, и на лестнице, и в Белом зале – длинной цепочкой выстроились серые бесшумные тени. Придерживаясь левой рукой за гладкую алебастровую стену, старуха медленно шла по паркету Белого зала, и с каждым ее шагом груда аппетитных лепешек на голубом фаянсовом блюде таяла. Когда Сова открывала дверь в квартиру, на голубом блюде не оставалось ничего, кроме жирных пятен [1].

В этой детской шалости просматриваются не только материальный интерес голодных подростков, но сочетание публичности действия с его тайностью для взрослых. Кроме того, авторы, подробно описывая триумф шалунов, которые, поедая украденное лакомство, изображали недоумение, удивление и разочарование взрослых, добавляют: *«Но в этом смехе слышались и тревожные нотки. Все понимали, что проделка не пройдет даром, что за преступлением вот-вот наступит и наказание» [1].*

Значительные возможности по изучению социокультурного явления детской шалости имеются в теоретической традиции этнографии детства (М. Мид, Р. Бенедикт, Ф. Арьес, И. С. Кон и другие). В рамках этого методологического направления детскую шалость следует рассматривать в координатах конкретной культуры (пространства и времени существования ребенка, семьи и общества). Следуя этому подходу, социокультурное и социально-педагогическое явление детской шалости зафиксировано нами в ходе этнографической реконструкции культурных практик советских подростков во время их отдыха в пионерских лагерях.

Этнографическая реконструкция детских шалостей на материале субкультуры пионерских лагерей

Я свободен, словно птица в небесах,
Я свободен, я забыл, что значит страх.
Я свободен с диким ветром наравне,
Я свободен наяву, а не во сне!...

В. Кипелов

Процедура исследования строилась следующим образом: в апреле 2017 г. из студентов Института педагогики и психологии образования ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» были отобраны те, кто будет проводить опрос, затем организовывались воркшопы и тренинги (в результате были определены основные сюжеты и гипотезы интервью), в мае того же года студенты-участники проекта непосредственно осуществляли опрос респондентов, собирали их записи, которые становились объектом обработки и

интерпретации. В результате было собрано 57 рассказов, 3 из которых были отбракованы.

В качестве респондентов выступали лица от 39 до 82 лет (1935–1978 гг. рождения), которые в детстве (примерно с 1945 по 1991 г.) ездили в пионерские лагеря. Две трети участников опроса составляли лица 1945–1961 гг. рождения, то есть их воспоминания связаны с пионерскими лагерями СССР 50-х, 60-х и 70-х гг. XX в. Среди опрошенных оказалось 9 мужчин и 45 женщин; 24 пенсионера (женщины – старше 55, мужчины – старше 60 лет). В основном жители Москвы, однако в детстве эти люди проживали в различных точках СССР (Грузинская ССР, регионы РСФСР, в том числе Кемеровская, Кировская, Магаданская и Ульяновская области, Ставропольский край, Мордовская АССР). В детстве в Москве и Московской области проживало около половины респондентов.

Прежде чем излагать результаты исследования, охарактеризуем специфику жизни советского подростка в пионерском лагере, которая была сформулирована на основе анализа мемуарной литературы [9; 10], классической работы А. Г. Кирпичника и В. П. Ижицкого [3] и наших теоретических построений [4]. Особенностью летнего пионерского лагеря как пространства детских шалостей было то, что советские подростки воспринимали пребывание в лагере как возможность свободы, произвольности; отрыв от привычной обстановки ограничений поведения, установленных в школе и в семье, возможность экспериментирования в поведении. Именно такое восприятие лагеря отражено в мемуарах В. Т. Третьякова, где проезд дорожного указателя рождал характерные эмоции: «...проехали лосей – это означало... что мы уже на свободе – от родителей и городских ограничений по крайней мере» [10, с. 420].

Важной характеристикой детского существования было то, *как* советские дети попадали в пионерский лагерь. Рассказы респондентов свидетельствуют, что основная причина отправки в лагерь была очень простая – необходимость обеспечить присмотр за ребенком (родители все лето работали, дедушки и бабушки были не у всех). Конечно, каждая конкретная ситуация индивидуальна, но в целом поездка в лагерь была радостью, ожиданием положительных эмоций.

Многие советские семьи отправляли детей в пионерский лагерь на все лето и каждый год. Как показывают интервью, некоторые дети ездили в лагерь по 6–7 лет подряд, становясь носителями особой субкультуры пионерского лагеря, субкультуры шалостей. Так как подавляющее большинство пионерских лагерей находились на содержании промышленных предприятий, крупных учреждений, профсоюзных организаций, то многие дети ежегодно выезжали в один и тот же лагерь. При такой организации отдыха в лагерях складывались общности детей и вожатых, встречавшихся ежегодно на протяжении нескольких лет, при этом среди детей старожилы встречались гораздо чаще, чем среди вожатых и воспитателей. То есть каждое лето в лагере возникали разновозрастные общности, в составе которых сохранялось некоторое ядро, носителей субкультуры данного конкретного пионерского лагеря. Можно сказать, что элементом субкультуры каждого пионерского лагеря были традиционные шалости, а возможность ез-

дить в разные лагеря обеспечивала обмен шалостями между субкультурами разных лагерей.

Одним из главных ограничений для ребенка в пионерском лагере был запрет покидать территорию, поэтому среди детских шалостей советских пионеров особое место занимает несанкционированный выход за пределы лагеря. Как показал анализ интервью, за забор дети убегали для того, чтобы:

– искупаться в море/озере или погулять по ночному пляжу (*«мы купались за территорией лагеря, в неположенное время», «после отбоя несколько человек сбежали на пляж погулять ночью»*);

– полакомиться овощами или фруктами, растущими на ближайших полях, в садах (*«решили пойти в колхоз наворовать гороха, но нас поймали за этим делом»*);

– купить что-либо в магазине (*«перелезали через стену очень шустро и добежали до перекрестка в городе, там находился магазин»*);

– побыть вдвоем (влюбленные парочки подростков) (*«иногда сбежали на пляж, любовались закатами»*);

– потанцевать в клубе (танцплощадке) соседнего поселка (*«в старших отрядах <мы бегали из лагеря> на местные танцульки, нас приглашали ребята из поселка, рядом с которым находился лагерь»*);

– *«будучи классе в пятом... случалось покидать территорию лагеря и убегать в лес, чтобы тайком покурить»*;

– посидеть у костра попеть песен (*«после отбоя мы нарушали режим и выходили за <территорию>. Там мы собирались в небольшом лесу, усаживались на полянке и пели песни под гитару почти каждую ночь»*).

Практика убегания ребенка из дома как шалость описана М. Твенем в «Приключениях Тома Сойера», то есть сам по себе выход из контролируемого взрослыми пространства (здесь важна маркированность, означенность социального пространства). При анализе бегства ребенка из дома или из летнего лагеря следует различать ситуации, когда ребенок бежит от унижений, оскорблений, угрозы жизни и когда его побег – детская шалость. Перечисленные выходы за территорию пионерского лагеря могут быть аналогичны самоволкам в армии, когда солдат покидает расположение части с намерением вернуться и не быть пойманным.

В текстах воспоминаний, опубликованных Ф. И. Раззаковым, в качестве детской шалости просматривается нарушение распорядка дня в пионерском лагере:

«Не припомню, чтобы кто-то поминал зарядку добрым словом. Не любили почему-то советские пионеры раздвигать ноги на ширину плеч, поднимать руки на уровень груди и делать махи этими самыми руками. Но ничего поделать было нельзя. Но некоторые сбежали»; «Можно было и в кружках позаниматься... но мы их почему-то почти единогласно игнорировали. Исследовать территорию лагеря было гораздо интересней» [9, с. 66, 76].

Наиболее распространенной детской шалостью в пионерском лагере, связанной с нарушениями режима, было несоблюдение тихого часа и вечернего отбоя («*вожатые загоняли всех в комнаты, выключали свет и... Все только делали вид, что спят, а на самом деле устраивали дерзкие вылазки*»; «*пробовали встречать рассвет*»).

Детские шалости подростков в пионерском лагере возникали в русле «коллективного выяснения отношений мальчиков и девочек» (наиболее ярко такие проявления фиксируются в возрасте 10–12 лет). Формы этих действий были разные: мальчишки подкидывали лягушек, обливали из шланга, прятали обувь, «*пугали девчонок по ночам, врываясь к ним в палату или выдавливая в открытые окна зубную пасту из тюбика*». Девочки «*на дверь ставили ведра с водой, спящих мазали зубной пастой, приклеивали сандалии к полу*»; «*устраивали дерзкие вылазки на половину мальчиков, с зубной пастой наперевес*».

Вообще намазывание спящего зубной пастой – отдельный вид шалостей в пионерском лагере. Сущность этого действия состоит в следующем: нужно бесшумно пробраться в комнату, тихо подойти к кровати спящего, затем аккуратно намазать зубной пастой (реже углем) лицо, руки, ноги (части тела, которые не закрыты одеялом), так чтобы намазываемый не проснулся. Последним элементом шалости является наблюдение за намазанным утром. («*За ночь она засыхает, а утром... мальчишки кричат, а мы умираем от смеха!*»). Такие шалости тщательно готовились заранее: вычислялось время, когда будущие жертвы обычно засыпают, затем проводилась проверка «спят – не спят», подготовка пасты (чтобы человек не проснулся от холодной пасты, тюбик грели). Объектом этих шалостей становились как соседи по комнате, так и подростки, проживавшие в соседних комнатах (здесь проявлялось противоборство «мальчишки – девочки», конкуренция между временными объединениями – отрядами: «*намазать пастой соседний отряд – дело святое*») [9, с. 76].

Среди мелких бытовых шалостей респондентами также назывались следующие:

«...Мы к матрацу нитками спящих пришивали»; «воду наливали в кровать», «связывали шнурками пару обуви заснувшего ребенка. Когда надо было быстро встать, ребенок вскакивал, не глядя надевал обувь и тут же падал, все смеялись»; «устраивали козни входящим в комнату в виде башмаков на двери, тазика с водой у входа, швабры-нособойки, прятали сандалии, подставляли табуретки к кровати, удочкой с пером щекотали спящих, завязывали рукава или штанины...».

Одной из любимых шалостей советских мальчиков-подростков в пионерских лагерях были бои подушками (устраивались во время тихого часа или перед вечерним отбоем). Сражения, по воспоминаниям участников, проходили ежедневно, комната на комнату, в каждой команде строго распределялись роли (функции), в зависимости от роста и силы (размера подушки) осуществлялась расстановка бойцов, главная задача была проникнуть во вражескую комнату и отстоять свою спальню. Вообще бои подушками были бы просто приключениями, если бы не запрет на такое использование спальных принадлежностей со стороны вожатых.

Среди детских шалостей, которые припомнили респонденты, практически нет по-настоящему жестоких (по своей задумке), однако приведем такой эпизод из рассказа:

Была в отряде девочка очень стеснительная, необщительная, и мы в последний день закрыли ее в шкафу на ключ, чтобы посмеяться... В итоге благополучно забыли об этом, сели в автобусы, вернулись в город, и только там вожатые не досчитались одного ребенка... Такой скандал тогда был....

Представляется весьма любопытным повествование про детские шалости в послевоенных пионерских лагерях.

Одним из самых любимых лакомств в пионерском лагере был компот из сухофруктов, но каждый пионер получал только один стакан компота, рассчитывать на добавку особо не приходилось, и тогда одни брат с сестрой придумали следующую операцию.... Рядом с пионерским лагерем была деревня, в которой у крестьян было много коз, козий навоз в виде шариков был повсюду, поэтому набрать сушеных козьих шариков было не сложно. Так как в компоте из сухофруктов в основном был изюм, наши герои, будучи дежурными по столовой, бросали в стаканы сушеные козьи какашки. Приходившие на обед пионеры не обнаруживали подвоха, пока не приступали к самому сладкому. А как только на язык им вместо изюма попадало нечто невкусное, большинство отодвигало стаканы и отказывалось от компота с невкусным изюмом. Шалуны были тут как тут, они вынимали из стаканов навоз и пили компот в неограниченном количестве.

Временность жизнедеятельности в пионерском лагере создавала для детских шалостей особые условия – в последние дни смены можно было шалить, не боясь наказаний, отсюда субкультурное явление «Королевской ночи»: *«Последняя ночь была самой интересной! Зная, что наказания уже не последует, можно было вдоволь измазать друг друга пастой, подложить папоротник под матрас соседу».*

Педагогическая реакция на детские шалости заслуживает особого внимания. С одной стороны, шалость позиционировалась как дисциплинарное нарушение (создающее риски для жизни и здоровья детей), с другой – как допустимое для детей поведение, особенно если учесть, что большинство взрослых в пионерских лагерях были не профессиональными педагогами, а производственниками, направленными профсоюзом или администрацией предприятия на работу с детьми, а также студентами педагогических вузов. Вообще роль пионерского вожатого, по мнению авторитетных экспертов, до 1970-х гг. не позиционировалась как педагогическая, они были скорее организаторами свободного времени.

В отдельных случаях реакция на детские шалости в пионерских лагерях включала попустительство, стремление вожатых заработать у подростков дешевый авторитет, а то и получать мелкие материальные выгоды. Явно педагогически несостоятельной выглядит такая тактика взрослых: *«...были случаи, когда во время тихого часа с друзьями убежали с территории в абрикосовый сад или на море, когда вожатый делал вид, что спит. После, когда приносили до-*

бычу, вместе с вожатым делили ее на всех поровну». Не стоит переоценивать распространенность такого поведения взрослых, ведь запоминаются и остаются в памяти самые экстраординарные, нетипичные поступки.

Противоречивость отношения к детским шалостям запечатлелась так: *«<без разрешения купаться> в основном мальчишки бегали. Но редко ловили. То ли вожатые не замечали, то ли не хотели замечать. Один раз поймали и депортировали домой. Вожатым потом досталось знатно, ведь и утонуть мог»*. Противоречивость позиции взрослых в вопросах организации купания детей в загородном лагере О. Ларсуков обсуждал на материалах известного фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964). Действительно, главный герой фильма Костя Инночкин был совершенно справедливо наказан за шалость – без разрешения ушел купаться с местными мальчишками. А в финале фильма секретарь райкома Митрофанов, устав от заорганизованности, царящей в пионерском лагере, вносит полную дезорганизацию своим кличем: «Ребята, идемте купаться!», создавая риски для жизни и здоровья детей [6].

Чрезвычайно интересны формы наказания детей за шалости: *«На линейке опозорили, и нам пришлось в колхозе больше помогать. Мне было стыдно, конечно»*; *«Они отвели нас к директору лагеря. Мне было тогда очень страшно, он пригрозил, что позвонит родителям. Потом как-то все обошлось»*, *«нам устроили по полной программе... грозились вызвать всех родителей»*). Можно сказать, детские шалости пресекались эмоциональным давлением (получается, эмоция против эмоции).

Однако на размышления наводит такое любопытное воспоминание: *«Конечно, вожатые старались нас усмирить и пустить агрессию в нужное русло. <...> Но родителям не звонили, знали, что ребята могут и вожатым отомстить»*. Другими словами, в пионерском лагере складывался паритет отношений – все проблемы и конфликты решать внутри сообщества, не вынося «сор за забор».

Своего рода выходом – культурной практикой, канализирующей детское стремление шалить, стали карнавальные мероприятия в пионерских лагерях. Самый яркий из них – так называемый «День Нептуна», когда детям разрешалось обливать друг друга и взрослых водой, окунать в водоемы всех отдыхающих и работников пионерского лагеря (в том числе и самых грозных, например директора лагеря). Менее яркими, но также практиковавшимися «Праздниками непослушания» выступали «Дни наоборот» или «Дни самоуправления» (в этот день взрослые образовывали отдельный отряд и вели себя как шаловливые дети), а из представителей старших отрядов назначались начальник лагеря, вожатые и т. д. Такой же карнавально игровой характер имел «комический футбол», когда взрослые фактически принимали вид клоунов (как правило, одевались в явно неудобные, громоздкие костюмы) и получали право на нарушение правил игры. Характерной чертой этих карнавальных мероприятий было использование грима, иногда простых красок и утрированно комическое переодевание.

Выводы. Логика развития научного знания о социокультурной реальности ребенка приводит к обоснованности введения в научный оборот понятия

«детская шалость». Доказательством правомерности оформления представлений о детской шалости является наличие множественных описаний этого явления в детской литературе. Ключ к пониманию детской шалости можно обнаружить в социально-педагогической концепции А. В. Мудрика, в положениях об особенностях подросткового и юношеского общения.

В рамках трансактного анализа (Э. Берн) в детской шалости реализуются естественные побуждения человека, проявляется детскость (инфантильность) как пренебрежение социальными ограничительными нормами, свободное проявление спонтанности и креативности. Шалость может интерпретироваться и как скрытая трансакция (психологическая игра), которая состоит из одной части «Попробуй поймай меня» или из двух: «Попробуй поймай меня» и «Прости меня, пожалуйста».

В рамках представлений о смеховой (народно-карнавальной) культуре М. М. Бахтина детская шалость – разрыв в послушном поведении ребенка, прерывание ребенком рутины послушания, культурная форма «выпускания пара», это вызов регламентированной правилами реальности, временное преодоление различий в социальном статусе, карнавальная маскировка личности, переживание чрезвычайно ярких эмоций, вызывающих желание пережить их еще и еще.

Анализ классических текстов о жизни подростков в различные периоды отечественной истории позволяет зафиксировать различные черты детской (подростковой) шалости:

- наличие хитроумной процедуры «одурачивания» (действия, направленного на то, чтобы обмануть ожидания взрослого);
- получение материальной выгоды;
- существование кодекса чести шалуна (сохранение тайны от взрослых);
- публичность осуществления как вызов; осознание провокации и страх наказания.

Несомненно, главным мотивом детской шалости являлось переживание ни с чем не сравнимых эмоций, связанных с нарушением установленных правил (ощущение опасности за то, что шалость будет обнаружена, тревога за то, что выходка не получится, страх наказания), при этом происходит мобилизация организма. Психологически детская шалость, как и приключение, скорее всего, обусловлена действием адреналина.

Теоретические представления о детской шалости дополняют результаты этнографической реконструкции культурных практик советских подростков во время их отдыха в пионерских лагерях (анализ и интерпретация нарративных интервью, полученных у респондентов 1935–1978 гг. рождения). Детские шалости советских подростков в пионерских лагерях представляли собой нарушения запретов (покидать территорию лагеря, соблюдение распорядка дня, правил этикета и т. д.). Как показывает анализ материалов, детские шалости были сопряжены:

- с желанием получить удовольствие (искупаться в море, реке), прогуляться и пообщаться, полакомиться овощами или фруктами, потанцевать, но

главное – в то время, в том месте и том объеме, в котором хотелось, в компании сверстников без взрослых;

– с желанием одних подростков досадить, навредить другим и выражалась в причинении неприятных эмоций (испуг, неприятные тактильные ощущения, иногда боль, растерянность, паника в связи с неожиданными обстоятельствами), что, в свою очередь, вызывало смех;

– с получением ярких эмоций от целого приключения, включающего тайное проникновение, нанесение ущерба жертве и скрытное исчезновение, желание не быть пойманным, уличенным в действиях;

– с противоборством (мальчики – девочкам и наоборот, представителей одной группы (временного коллектива) детей – представителям другой).

Анализ мемуарной литературы и нарративов позволяет выявить специфическую реакцию взрослых на шалости советских подростков в пионерских лагерях: шалости допускались как естественное детское поведение. С одной стороны, транслировалась недопустимость таких поступков и неотвратимость наказания, с другой – фактически большинство проделок прощались. Можно зафиксировать удивительный феномен взаимонастраиваемого гибкого договора в отношениях взрослых и подростков в пионерских лагерях советской эпохи, когда шалости становились инструментом взаимного изучения и исследования социальной нормы поведения. Исследование позволило выявить ситуации традиционных массовых шалостей относительно санкционированных взрослыми («Королевская ночь») и специально организуемых («День Нептуна», «День наоборот», «комический футбол»).

В современную эпоху скоростей и гаджетов появляются новые социокультурные формы детских и подростковых шалостей (пранк, зацепинг и др.), требующие специального изучения. Предлагаемый текст представляет попытку разметить площадку для масштабного исследования шалостей как неотъемлемого явления детской жизни.

Список литературы

1. Белых Г. Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. М.: АСТ: Астрель, 2012. 415 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений / Пер. с англ. А. Грузберга. М., 2017. 252 с.
3. Кирпичник А. Г., Ижицкий В. П. Летние объединения старшеклассников. М.: Знание, 1984. 80 с.
4. Куприянов Б. В. Воспитание XXI века: экзистенциальная вспышка приключения // Народное образование. 2011. № 9. С. 249–255.
5. Куприянов Б. В., Тохтиева Л. Загородный детский лагерь: история элементарных частиц (середина XIX – первая четверть XX в.) // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 84–91.
6. Ласуков О. Слово в защиту товарища Дынина. [Электронный ресурс]. Сайт: www.altruism.ru. Режим доступа: <http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5п©Б=/28/52?page=&print=1&gt>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения 3.11.2017).
7. Мудрик, А. В. Общение в процессе воспитания: Учебник для студентов вузов. М.: Пед. общество России, 2001. 319 с.

8. Паттерсон Дж., Теббетс К. Средняя школа. Худшие годы моей жизни / Пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2017. 281 с.
9. Раззаков Ф. И. Наше лучшее детство. М.: Алгоритм, 2017. 350 с.
10. Третьяков В. Т. Из СССР в Россию и обратно: воспоминания. Кн. 1, Ч. II и III. М.: Ладомир, 2014. 613 с.